

СТРАТЕГИЯ

А.А. Свечин

Александр Свечин

**Стратегия. Искусство
политики и войны**

«ВЕЧЕ»

1928

Свечин А. А.

Стратегия. Искусство политики и войны / А. А. Свечин —
«ВЕЧЕ», 1928

ISBN 978-5-4484-8627-2

Классический труд «Стратегия» советского военачальника, выдающегося военного публициста, педагога и теоретика Александра Андреевича Свечина (1878–1938) рассказывает о месте стратегии в ряду военных дисциплин, о ее связи с политикой, о подготовке вооруженного фронта, о планировании операций, стратегической линии поведения и многом другом. Эта замечательная книга не потеряла своей актуальности и в наши дни, она предназначена не только для военных и политиков, но и для всех интересующихся историей и современными проблемами стратегической мысли.

ISBN 978-5-4484-8627-2

© Свечин А. А., 1928

© ВЕЧЕ, 1928

Содержание

Предисловие к первому изданию[1]	6
Предисловие ко второму изданию	10
Введение	12
Стратегия и политика	24
1. Политика и экономика	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Свечин

Стратегия. Искусство политики и войны

Знак информационной продукции 12+

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

ООО «Издательство «Вече»

<http://www.veche.ru>

Предисловие к первому изданию¹

55 лет отделяют последнее практическое выступление стратегии Мольтке – Франко-прусскую войну – от последней операции Наполеона, разрешившейся под Ватерлоо. 55 лет отделяют и нас от Седанской операции.

Мы отнюдь не можем говорить о замедлении темпа эволюции военного искусства. Если у Мольтке были основания для того, чтобы приступить к ревизии стратегического и оперативного мышления, оставленного в наследство Наполеоном, то еще большие основания имеются в наше время, чтобы приступить к ревизии стратегического мышления, оставленного нам Мольтке. Мы можем сослаться на ряд новых материальных факторов, заставляющих нас занять новую точку зрения на стратегическое искусство. Укажем, например, на железные дороги, игравшие в эпоху Мольтке существенную роль лишь при первоначальном оперативном развертывании; теперь железнодорожный маневр вторгается в каждую операцию и составляет существенную ее часть; укажем на возросшее значение тыла, экономического и политического фронтов борьбы, на перманентность военной мобилизации, отодвигающую момент наивысшего стратегического напряжения с двадцатого дня войны на несколько месяцев, и т. д.

Целый ряд истин, справедливых еще в эпоху Мольтке, ныне является пережитком.

Блестящее военное творчество Наполеона в значительной степени облегчило работу Жомини и Клаузевица по составлению теоретических трактатов по стратегии; произведения Жомини являются лишь теоретической кодификацией практики, созданной Наполеоном. Не столь законченный, но все же богатый материал, с рядом мастерских решений, оставил Мольтке-старший в распоряжение Шлихтинга. Современный исследователь стратегии, опирающийся на опыт мировой и гражданской войн, конечно, не может жаловаться на недостаток нового исторического материала; однако его задача труднее задач, выпавших на Жомини и Шлихтинга: ни мировая, ни Гражданская война не выдвинули таких практических деятелей, которые оказались бы вполне на высоте требований, предъявляемых новыми условиями, и которые авторитетом своих мастерских решений, увенчанных победой, подкрепили бы новое изложение стратегической теории. И Людендорф, и Фош, и военные деятели Гражданской войны далеко не господствовали над событиями, а скорее увлекались их водоворотом.

Отсюда вытекает меньшая связанность современного стратегического писателя, но свою свободу он вынужден окупить громадными трудностями работы и еще, быть может, большими затруднениями на пути утверждения и признания его взглядов. Мы атакуем значительное количество предрассудков стратегии, которые, быть может, в глазах у многих не потерпели еще окончательного поражения в жизни, на театре войны. Новые явления заставляют нас давать новые определения, устанавливать новую терминологию; мы стремились не злоупотреблять новшествами; однако и при таком осторожном подходе, как ни путаны устаревшие термины, вероятно, они найдут своих защитников. Маршал Мармон, которому сделали упрек, что он употребляет, вместо термина «оборонительная линия», термин «операционная линия», имеющий совершенно другое значение, имел же развязность назвать шарлатанами лиц, стремившихся согласовать военный язык с военной действительностью!

Характер нашего труда не допускает цитирования авторитетов для подтверждения наших взглядов. Если на стратегию сыплются упреки в том, что это лишь «вежливость военных», скрывающая пустое место, казарменная сказка, то в этом дискредитировании стратегии крупную роль играли чисто компилятивные труды, блестящие набором афоризмов, заимствованных у великих людей и писателей разных эпох. Мы не опираемся ни на какие авторитеты; мы стремимся воспитывать критическую мысль; наши ссылки указывают или на источник фак-

---

¹ Книга А.А. Свечина публикуется с сокращениями. – *Примеч. ред.*

тического материала, которым мы орудуем, или приводят первоисточник отдельных слишком известных мыслей, улегшихся в нашу теорию. Первоначальный наш замысел был – написать труд по стратегии без всяких цитат, – так стали нам ненавистны наборы изречений, – усомниться во всем и лишь из бытия современных войн построить учение о войне; нам не удалось осуществить этот замысел полностью. Мы не хотели точно так же и вступать в полемику – поэтому мы не подчеркивали противоречий между определениями и пояснениями, которые являются нашими, и мнениями очень больших и знаменитых писателей; к нашему сожалению, этих противоречий в нашем труде имеется даже значительно больше, чем требовалось бы для признания его вполне оригинальной работой. К сожалению, так как это может затруднить понимание нас при поверхностном чтении.

Мы надеемся, что эти затруднения отчасти будут смягчены знакомством с нашим трудом по истории военного искусства, а также несколькими курсами лекций по стратегии, которые мы прочли в течение двух истекших лет, и которые уже несколько популяризировали нашу постановку некоторых вопросов.

Мы рассматриваем современную войну со всеми ее возможностями и не стремимся сузить нашу теорию до наброска красной советской стратегической доктрины. Обстановку войны, в которую может оказаться втянутым СССР, предвидеть необычайно трудно, и ко всяким ограничениям общего учения о войне надо подходить крайне осмотрительно. Для каждой войны надо вырабатывать особую линию стратегического поведения; каждая война представляет частный случай, требующий установления своей особой логики, а не приложения какого-либо шаблона, хотя бы и красного. Чем шире охватит теория все содержание современной войны, тем скорее придет она на помощь анализу данной обстановки. Узкая доктрина, может быть, будет более путать наше мышление, чем ориентировать его работу. И надо не забывать, что только маневры бывают односторонними, а война представляет всегда явление двухстороннее. Надо иметь возможность охватить войну и в представлении противной стороны, уяснить себе ее стремления и ее цели. Теория может принести пользу только поднявшись над сторонами, проникшись полным бесстрашием; мы избрали этот путь, несмотря на негодование, с которым встречают некоторые наши молодые критики избыток объективности, «позу американского наблюдателя» в военных вопросах. Всякая измена научной объективности явится в то же время изменой и диалектическому методу, которого мы твердо решили держаться. В широких рамках общего учения о современной войне диалектика позволяет гораздо ярче характеризовать линию стратегического поведения, которую нужно избрать для данного случая, чем это могла бы сделать теория, даже имеющая в виду только данный случай. Человек познает лишь различия.

Но мы не собирались написать нечто вроде стратегического Бедекера, который бы охватил все мельчайшие вопросы стратегии. Мы отнюдь не отрицаем пользы составления такого путеводителя, лучшей формой которого, вероятно, явился бы стратегический толковый словарь, который с логической последовательностью уточнил бы все стратегические понятия. Наш труд представляет более боевую попытку. Мы охватили всего около 190 вопросов, казавшихся нам более важными, и сгруппировали их в 18 глав. Наше изложение, порой более глубокое и продуманное, порой, может быть, недоконченное и поверхностное, представляет защиту и проповедь известного понимания войны, руководства подготовкой к войне и военными действиями, методов стратегического управления. Энциклопедический характер чужд нашему труду.

Особенно умышленная односторонность проведена в изложении политических вопросов, затрагиваемых в настоящем труде очень часто и играющих в нем крупную роль. Более глубокое исследование привело бы, вероятно, автора к слабому, банальному повторению тех сильных и ярких мыслей, которые с огромным авторитетом и убедительностью развиты в трудах Ленина и Радека, посвященных войне и империализму. Наша авторитетность в вопросах современного толкования марксизма, к сожалению, столь ничтожна и столь горячо оспарива-

ется, что попытка такого повторения, очевидно, была бы бесполезна. Поэтому, при изложении связи между надстройкой войны и экономическим ее базисом, мы решили рассматривать политические вопросы только с той стороны, с которой они рисуются военному специалисту; мы и сами отдаем себе отчет и предупреждаем читателя, что наши заключения по вопросам политического характера – хлебные цены, город и деревня, покрытие издержек войны и т. д. – представляют лишь один из многих мотивов, коими должен руководствоваться политик при решении этих вопросов. Это не ошибка, если сапожник критикует картину знаменитого художника с точки зрения нарисованного на ней сапога. Такая критика может быть поучительна даже для художника.

Нам удалось сохранить за нашим трудом довольно скромный объем путем отказа от подробного изложения военно-исторических фактов. Мы ограничились лишь ссылкой на них. Несмотря на такое сужение военно-исторического материала, наш труд является размышлением над историей последних войн. Мы отнюдь не предлагаем брать наших заключений на веру; пусть читатель присоединится к ним, внося, может быть, известные поправки, проделавши сам работу анализа над сделанными ссылками; истинно лабораторное изучение теории стратегии получилось бы, если бы кружок читателей взял на себя труд повторить авторскую работу – разделил бы между своими членами ссылки на различные операции и, продумав их, сравнил бы свои размышления и заключения с теми, которые предлагаются в настоящем труде. Теоретический труд по стратегии должен представлять лишь рамки для самостоятельной работы изучающего ее. История должна являться материалом для самостоятельной работы, а не иллюстрирующими, часто подтасованными примерчиками для заучивания.

Многие, вероятно, не одобряют отсутствия в труде какой-либо агитации в пользу наступления и даже сокрушения: труд подходит к вопросам наступления и обороны, сокрушения и измора, маневренности и позиционности совершенно объективно: цель его – сорвать плод с древа познания добра и зла, посылить расширить общий кругозор, а не воспитывать мышление в каких-либо стратегических шорах. У него нет идеала – стратегического рая. Когда-то Виктор Кузен провозгласил подчинение философской истины моральной полезности. Многие стратегические доктринеры, образовавшие как бы секту наступления, отказавшиеся от объективного подхода к явлениям войны, веровавшие в победоносную силу принципов, правил, норм, стояли на той же точке зрения и не брезгли даже подтасовкой фактического материала для достижения воспитательного эффекта. Мы очень далеки от подобных взглядов. Мы не думаем, что стратегическая теория в какой-либо степени ответственна за наступательный импульс в армии. Последний ведет свое происхождение из совершенно других источников. Клаузевиц, провозгласивший оборону сильнейшей формой войны, не развратил германскую армию.

Мы отказались от погони за деталями и не давали правил. Изучение деталей является задачей дисциплин, соприкасающихся со стратегией, останавливающихся подробно на вопросах организации, мобилизации, комплектования, снабжения, стратегической характеристики отдельных государств. Правила в стратегии неуместны. Китайская пословица, правда, гласит о том, что разум создан для мудрецов, а закон – для людей немудрых. Теория стратегии, однако, напрасно стремилась бы стать на такой путь и пыталась бы популяризировать свое изложение в виде уставных правил, доступных для лиц, не имеющих возможности самостоятельно углубиться в изучение стратегических вопросов и посмотреть в корень. В любом вопросе стратегии теория не может выносить жесткого решения, а должна апеллировать к мудрости решающего.

Из изложенного читатель отнюдь не должен делать вывод, что автор видит в своем произведении верх совершенства. Автору отчетливо рисуется недоговоренность и недостаточная углубленность разработки многих вопросов. В пределах той же серии вопросов можно было бы работать над настоящим трудом еще десятки лет. Так поступал Клаузевиц, не успевший за всю свою жизнь закончить свое исследование о войне, окончательно редактировавший лишь первую главу, но создавший все же труд, который сохранит свое значение, частью, и во второе

столетие своего существования. Такое капитальное углубление не отвечает условиям нашего времени. Эволюция идей идет таким темпом, что, проработав десятки лет над углублением труда, можно больше отстать, чем нагнать ход развития. Нам кажется, что в известной мере настоящий труд отвечает существующей потребности в стратегическом обобщении; нам представляется, что, при всех своих несовершенствах, он все же может оказать помощь для уяснения современных особенностей войны и пригодиться лицам, готовящимся к практической работе в области стратегического искусства.

Только эти соображения и подвинули автора на издание настоящей книги. Далеко не во всех частях она, разумеется, оригинальна. Во многих местах читатель натолкнется на мысли, известные ему по трудам Клаузевица, фон дер Гольца, Блуме, Дельбрюка, Рагено, ряда новейших военных и политических мыслителей. Автор считал бесплодным пестрить текст непрерывным указанием первоисточников мыслей, органически улегшихся в данную работу и являющихся частью ее, как логического целого.

Предисловие ко второму изданию

В 1923 и 1924 гг. автору было поручено чтение курса стратегии. Результатом этой двухлетней работы явилась настоящая книга. Перед автором стояли две задачи. Первая – центр тяжести труда – заключалась во внимательном изучении последних войн, наблюдений той эволюции, которую пережило стратегическое искусство за последние 65 лет, исследований, определяющих эту эволюцию материальных предпосылок. Вторая задача состояла в том, чтобы уложить наблюденную действительность нашего времени в рамки определенной теоретической схемы, дать ряд широких сообщений, которые помогали бы углубить и осмыслить практические вопросы стратегии.

В настоящем, втором, издании автор во многих местах, расширив их, произвел уточнения и несколько развил военно-историческую основу своих заключений. Он добросовестно пересмотрел все многочисленные скопившиеся у него замечания критики – в виде ли печатных отзывов, или писем, составленных отдельными кружками, рецензий, указаний, одобрений порицаний видных и невидных военных и политических деятелей. Поскольку он мог понять и усвоить точку зрения критики, он воспользовался сделанными замечаниями и приносит свою благодарность за оказанное настоящему труду внимание. В общем, представления автора об эволюции стратегии почти не оспаривались, но терминология его, в особенности определения категорий сокрушения и измора, встретила различные толкования и контропределения.

В спорных вопросах автор развивает и дополняет в настоящем издании свою прежнюю точку зрения. Он не может согласиться с другими намечавшимися границами между сокрушением и измором; наиболее проработанная критикой точка зрения заключалась в том, что война складывается на измор, если центр тяжести ее лежит на экономическом и политическом фронтах, и на сокрушение – если центр тяжести войны переносится на действия вооруженного фронта. Это неверно, так как грань между сокрушением и измором нужно искать не вне, а внутри вооруженного фронта. Понятия о сокрушении и изморе распространяются не только на стратегию, но и на политику, и на экономику, и на бокс, на любое проявление борьбы, и должны быть объяснены самой динамикой последней.

Некоторые трудности возникают из того, что не мы изобрели эти термины. Развившийся заключенные в них понятия профессор Дельбрюк видел в последних средство исторического исследования, необходимое, чтобы осмыслить военно-историческое прошлое, которое не может быть понято в одном разрезе, а требует при оценке фактов войны прилагать то масштаб сокрушения, то масштаб измора, в зависимости от эпохи. Для нас же эти явления живут в настоящем, соединились в одной эпохе, и мы не усматриваем возможности, обходясь без соответствующих им понятий и терминов, построить какую-либо теорию стратегии. Мы не ответственны за чуждое нам толкование сокрушения и измора.

Мы считаем себя связанными в определении категории сокрушения блестящей характеристикой Клаузевица; жалка была бы попытка заменить яркое, сочное, богатое следствиями и выводами определение сокрушения другим, смягченным понятием полусокрушения, измористого сокрушения, не дающим никаких следствий и выводов, под тем предлогом, что сокрушение в чистом виде в настоящее время неприменимо. Мы охотнее идем обратным путем, заостряем сокрушение до предела, который едва ли полностью осуществлялся даже реальной наполеоновской стратегией, а является скорее ее идеализацией.

Мышление предшествующих теоретиков стратегии было связано почти исключительно с предельным сокрушением; для соблюдения логики сокрушения излагался принцип частной победы, разыскивались решительные пункты, отрицались стратегические резервы, игнорировалось воссоздание военной мощи в течение войны, и т. д. Это обстоятельство и делает стратегию сокрушения как бы стратегией прошлого, и в силу контраста выставляет автора, стремяще-

гося к полной объективности, но резко разрывающего со своими предшественниками, каким-то любителем измора. Деление на сокрушение и измор в наших глазах не является средством классификации войн. Вопрос о сокрушении и изморе, в том или другом их виде, дебатировался уже третье тысячелетие. Эти абстрактные понятия лежат вне эволюции. Цвета спектра не эволюционируют, тогда как краски предметов линяют и меняются. И разумно, что мы оставляем известные общие понятия за бортом эволюции, так как это – самое лучшее средство осознать самую эволюцию. Заставлять сокрушение эволюционировать к измору, вместо признания, что эволюция идет от сокрушения к измору, – мы не видим ни малейшего смысла.

Введение

Стратегия в ряду военных дисциплин

Классификация военных дисциплин. – Тактика. – Оперативное искусство. – Стратегия как искусство. – Стратегия как теория искусства. – Отношение теории к практике. – Стратегия как искусство военных вождей. – Ответственные политические деятели должны быть знакомы со стратегией. – Обязательность знакомства со стратегией для всего комсостава. – Приступ к изучению стратегии должен относиться к началу серьезных занятий военным искусством. – Задача курса стратегии. – Военная история. – Маневры. – Военная игра. – Изучение классиков.

Классификация военных дисциплин. Военное искусство, понимаемое в широком смысле, охватывает все вопросы военного дела; оно включает в себя: 1) учение об оружии и других технических средствах, которыми ведется вооруженная борьба, а также учение об устройстве оборонительных сооружений; 2) учение о военной географии, оценивающее средства, имеющиеся в различных государствах для ведения вооруженной борьбы, изучающее классовую группировку населения и его исторические, экономические и социальные устремления и исследующее возможные театры военных действий; 3) учение о военной администрации, исследующее вопросы организации вооруженных сил, аппарат их управления и методы снабжения, и, наконец, 4) учение о ведении военных действий. Еще в эпоху великой французской революции военно-технические вопросы, отнесенные нами к первой рубрике, представляли основное содержание, вкладываемое в понятие военного искусства. Искусство ведения военных действий представляло область, на которой лишь немногие историки войн останавливали свое внимание; только формальная его часть, охватывающая элементарные уставные вопросы – о строях, перестроениях, боевых порядках – анализировалась в курсах тактики, как предмет ежедневных упражнений войск.

В новейшее время вопросы, относящиеся к ведению военных действий, значительно осложнились и углубились. Ныне нельзя рассчитывать вести сколько-нибудь успешно войну против подготовленного врага, если командный состав не будет заблаговременно подготовлен к решению тех задач, которые встанут перед ним с началом военных действий. Эта часть военного искусства настолько теперь расширилась и получила столь самодовлеющее значение, что под военным искусством в тесном смысле мы разумеем в настоящее время именно искусство ведения военных действий.

Искусство ведения военных действий не делится какими-либо гранями на вполне самостоятельные, резко очерченные отделы. Оно представляет одно целое, к которому относится и постановка задач для действий фронтов и армий, и вождение небольшого разъезда, высланного для разведки врага. Однако изучение его в целом представляет крупное неудобство. Такое изучение породило бы опасность, что не всем вопросам будет уделено надлежащее внимание; мы могли бы усвоить себе подход к основным, крупным вопросам войны с точки зрения мелких требований, или, наоборот, могли бы слишком свысока, обобщенно подходить к изучению боевых действий мелких частей, и от нашего внимания укрылись бы чрезвычайно существенные в своей сумме подробности. Поэтому вполне разумным является деление искусства ведения военных действий на несколько отдельных частей, при условии, что мы не будем упускать существующую между ними тесную связь и не будем забывать некоторой условности такого деления. Наше деление следует провести так, чтобы, по возможности, не раздроблять между различными отделами вопросы, подлежащие решению по одинаковым соображениям. Мы замечаем, что искусство ведения военных действий естественнее всего распадается на

искусство ведения войны, ведения операции и ведения боевых действий. Требования, предъявляемые современным боем, современной операцией и войной в целом, представляют три сравнительно определенных ступени, в соответствии с которыми естественнее всего и обосновать классификацию военных дисциплин.

Тактика. Тактическое искусство теснее других частей военного искусства связано с боевыми требованиями. Боевые требования, при данном состоянии техники, данных культурных условиях государств, ведущих войну, и театра, на котором война ведется, и при данном напряжении войны, – представляют известное целое; исходя из действительности современного поля сражения, тактика оркеструет отдельные технические действия в одно цельное ведение боя; в связи с боевыми требованиями, тактика стремится рационализировать всю военную технику, устанавливает критерий для организации, вооружения и воспитания войск, для совершения войсками походных движений, для расположения их на отдых, разведки и охранения. Теория тактики есть не что иное, как технические вопросы (понимая под таковыми и технику походных движений и проч.), рассматриваемые не порознь, а в совокупности, с точки зрения создаваемых ими ныне в целом условий современного боя.

Определяя существо тактики, как приспособление техники к боевым требованиям, мы значительно стесняем пределы тактики, по сравнению с существовавшими ранее определениями. В основе старых определений лежало представление о большом сражении, искусство ведения которого относилось к области тактики. Больших сражений фактически теперь не существует; боевые действия раздробляются во времени и пространстве на ряд отдельных боев, слагающихся в операцию, исследование коей не может быть предметом тактики. Последняя должна остановить свое внимание лишь на отдельном бое, который вытекает из развертывания войск, движущихся по одной дороге; таким образом, тактика не может задаваться исследованием действий организационных соединений, превосходящих дивизию, но изучение работы в пределах дивизии является необходимым, так как дивизия представляет самое малое организационное соединение, в котором с достаточной полнотой представлены различные роды войск и различная техника. Изучая действия меньших частей, например, пехотного полка, мы постольку будем оставаться на почве тактики, поскольку не будем забывать, что бой представляет не единоборство пехоты, а комбинированную работу всей нашей техники против всей техники противника.

Оперативное искусство. Тактическое творчество, в свою очередь, регулируется оперативным искусством. Боевые действия являются не чем-то самодовлеющим, а лишь основным материалом, из которого слагается операция. Лишь в очень редких случаях можно рассчитывать одним приемом достигнуть окончательной цели военных действий. Нормально этот путь к конечной цели распадается на ряд операций; последние разделяются во времени более или менее значительными паузами, слагаются на различных участках территории театра войны, и особенно резко различаются между собой вследствие различия промежуточных целей, к достижению которых временно устремляются усилия войск. Мы называем операцией такой акт войны, в течение которого усилия войск без всяких перерывов направляются в определенном районе театра военных действий к достижению определенной промежуточной цели. Операция представляет конгломерат весьма различных действий: составление плана операции, материальная подготовка, сосредоточение войск в исходное положение, возведение оборонительных сооружений, выполнение маршей, ведение боев, ведущих либо непосредственным охватом, либо путем предварительного прорыва к окружению и уничтожению части неприятельских войск и к оттеснению других частей, к выигрышу или удержанию за нами определенного рубежа или географического района. Материалом оперативного искусства является тактика и администрация; успех развития операции зависит как от успешности разрешения войсками отдельных тактических вопросов, так и от обеспечения их всем материальным снабжением, необходимым для бесперебойного проведения операции до достижения цели последней. Опе-

ративное искусство, исходя из цели операции, выдвигает целый ряд тактических задач и ставит ряд заданий для деятельности тыловых органов. Оно не может безразлично пользоваться любыми тактическими средствами. В зависимости от имеющихся материальных средств, от времени, которое может быть уделено для разрешения различных тактических заданий, от сил, которые могут быть развернуты для боя на определенном фронте, и, наконец, от характера самой операции – оперативное искусство диктует тактике основную линию ее поведения. Мы не можем признать полного господства над нашей волей объективно существующих условий поля боевых действий. Боевые действия – это только часть высшего целого, представляемого операцией, и характер наших боевых действий должен быть подчинен характеру намеченной операции. Нивель в апреле 1917 г. и Людендорф в марте 1918 г., решаясь предпринять на западном фронте прорыв с целью сокрушения неприятельского позиционного фронта, стремятся изменить самым резким образом и тактику своих войск в соответствии с характером намеченных операций.

Стратегия как искусство. Выигрыш отдельной операции не является, однако, последней целью, преследуемой при ведении военных действий. Немцы выиграли в течение мировой войны много операций, но проиграли последнюю, а с ней и всю войну. Людендорф, показавший выдающиеся достижения в оперативном искусстве, не сумел так сочетать ряд своих оперативных успехов, чтобы добиться хотя бы малейших положительных достижений при заключении Германией мира; все его успехи в конечном счете никакой услуги Германии не оказали.

Стратегия – это искусство комбинировать подготовку к войне и группировку операций для достижения цели, выдвигаемой войной для вооруженных сил. Стратегия решает вопросы, связанные с использованием как вооруженных сил, так и всех ресурсов страны для достижения конечной военной цели. Если оперативное искусство должно учитывать возможности, представляемые фронтовым тылом, то стратег должен учитывать весь тыл – свой и противника – представляемый государством, со всеми его политическими и экономическими возможностями. Стратег будет действовать успешно, если он правильно оценит характер войны, находящийся в зависимости от разнообразных экономических, социальных, географических, административных и технических данных.

Стратегия не может безразлично относиться к оперативному искусству. Характер войны, с которым сообразуется стратег, не должен оставаться понятием отвлеченным и оторванным от войсковой деятельности. Стратег должен подчинить своему пониманию возможного характера войны реальные формы предпринимаемых нами операций, их размах и напряжение, преследуемые ими цели, их последовательность и относительное значение, придаваемое им. Отсюда является необходимость для стратега – диктовать основную линию поведения оперативному искусству и в случае чрезвычайного значения, придаваемого основной операции, даже сосредоточивать в своих руках непосредственное руководство ею.

Но, подобно тактике и оператору, и стратег не является совершенно независимым в своей области. Как тактика является продолжением оперативного искусства, а оперативное искусство – стратегии, так и стратегия является продолжением, частью политики. Война является не самодовлеющим явлением, а лишь надстройкой над мирной жизнью народов. Война предпринимается в определенных политических целях и в главных своих чертах определяется, как мы увидим ниже, политикой. Вытекающим отсюда взаимоотношениям между политикой и стратегией посвящается особая часть нашего исследования.

Весьма часто мы встречаем термины: стратегия воздушного флота, морская стратегия, стратегия колониальной войны и т. д. Такая терминология, очевидно, основана на недоразумении. Мы можем говорить лишь о морском оперативном искусстве, поскольку вооруженные силы на море получают самостоятельную оперативную цель; то же мы можем сказать и о воздушном флоте, с еще большими оговорками; ввиду тесной связи между действиями воздушных сил, сухопутной армии и флота предметом оперативного искусства воздушного флота

могут являться лишь самостоятельно предпринимаемые им бомбардировочные операции; но, поскольку таковые действия пока самостоятельного значения не имеют, а являются одним, хотя бы и довольно существенным, слагаемым общей операции, то мы должны и бомбардировочные, равно как разведочные и боевые действия воздушного флота, рассматривать только как часть общего оперативного искусства. О стратегии же здесь говорить не приходится – это явное злоупотребление термином. Точно так же не может быть и стратегии колониальной войны – речь может идти лишь об особенностях стратегического искусства при борьбе империалистического государства с неравносильным, отсталым технически и культурно противником, в обстановке колониального театра войны.

Стратегия как теория искусства. Стратегия как практическое искусство, представляющее важнейшую часть полководческой деятельности, существует с тех доисторических времен, когда человеческие общества начали вести войны. Но разработка теории стратегии началась лишь 150 лет тому назад, одновременно с научным приступом к разработке политической экономии. Ровесник Адама Смита, получивший с ним одинаковое образование, англичанин Ллойд, служивший в австрийской, прусской и русской армиях, приступил на основе опыта Семилетней войны, к разработке вопросов, резко выходявших из пределов обычного тактического кругозора военных. Труды его открывают новейший период развития военной мысли, уже давший ряд глубоких исследований по стратегии, характеризующихся, однако, или незаконченностью, или односторонностью мышления. Много времени и внимания было затрачено на вопрос, представляет ли стратегия науку или теорию искусства. Ответ зависел, в существенных чертах, от размера требований к науке, характеризующего наше представление о ней. Клаузевиц, Вилизен, Блуме, рассматривавшие стратегию как искусство, исходили из требования аподиктической (неоспоримой) точности, предъявлявшегося Кантом к «собственной науке». Неоспоримой точности выводы военной теории не представляют. Но уже Кант допускал именовать наукой любую систематическую теорию, охватывающую особую область, познание коей упорядочивается по известным основам и принципам. Такие теории являлись как бы науками второго разряда. Чтобы причислить к их числу и стратегию, многие выдающиеся стратегические писатели уделяли особое внимание утверждению наличности вечных, неизблемых принципов стратегии, на которых они строили свои труды. В настоящее время наши взгляды на науку стали значительно шире. Мы склонны понимать под наукой всякую систему знаний, облегчающую нам понимание жизни и практики. Под такое широкое определение науки, несомненно, подходит теория всего военного искусства, в том числе и стратегия.

Отношение теории к практике. Практика стратегии, бесспорно, не представляет отрасли научной деятельности, а образует область приложения искусства. Теория же стратегии должна представлять систематизированные знания, облегчающие нам понимание явлений войны.

Но если человеческие общества в течение тысячелетий могли осуществлять на практике стратегическое искусство, не имея представления о теории стратегии, о стратегической науке, то не свидетельствует ли это о том, что последняя представляет излишний, надуманный, бесплодный балласт, плод интеллектуалистических увлечений нашего века? Мы этого не думаем. Если вообще бытие определяет сознание, то в некоторых сложных областях практики сознание отстает на целые века от жизненных достижений. Существуют правила и законы речи, из которых складывается наука грамматики; существуют известные экономические отношения, из которых складывается наука политической экономии – своего рода экономическая грамматика; наконец, существуют известные законы мышления, его грамматика – логика. Но не видим ли мы правильную речь, предшествующую изучению грамматики; не усматриваем ли мы в историческом прошлом экономической политики, отвечающей определенным экономическим интересам, задолго до рождения политической экономии; не встречаем ли мы здравомыслящих людей, никогда не проходивших курса логики? Точно так же и на войне – не только

в отдаленном прошлом, но и в очень недавние времена Гражданской войны мы могли наблюдать решения весьма сложных вопросов стратегического искусства, не находившиеся в какой-либо связи с предварительным изучением теории стратегии. Но мы не делаем из этих фактов заключения о желательности исключения грамматики из программы общеобразовательной школы. Мы находим, что каждый ответственный государственный деятель должен обладать хотя бы элементарными сведениями из политической экономии. Не отрицая права на самостоятельное мышление со стороны лиц, не изучавших логику, мы непременно включим ее в программу образования лиц, стремящихся выступить с самостоятельной критикой философско-экономических доктрин. Знакомство с грамматикой, политической экономией, логикой, стратегией может предохранить нас при работе в соответственной области от многих ошибок и позволяет быстро схватывать отношения, разгадка коих иначе потребовала бы от нас многих усилий и, может быть, даже вовсе не далась бы нам.

Приведенные соображения было бы ошибочно толковать, как сравнение теории стратегии с чем-то вроде теории красноречия, о которой как раз самые красноречивые ораторы не имеют никакого представления. Действительное знание не может быть нейтральным; если оно ничего не может изменить в нашей системе действий, то, следовательно, оно лишено какого бы то ни было содержания. Если, переходя к практике, следует забывать о теориях, чтобы вырабатывать решение не книжное, а вырастающее из условий данного частного случая, то эта работа мышления становится плодотворной лишь благодаря точкам зрения, усвоенным предыдущими размышлениями и теоретическими занятиями.

Уже в эпоху Наполеона резко сказывалась недостаточная теоретическая подготовка его маршалов, в особенности при том крупном масштабе, который приняла война в 1813 г. Маршалы Наполеона, частью вышедшие из бедных классов, не все имели достаточное общее образование; переходя в течение 20 лет с одного поля сражения на другое, они получили превосходную тактическую подготовку. Они мастерски умели найтись в трудной обстановке, не теряли способности мыслить под неприятельским огнем, знали, как целесообразно организовать работу 20–30 тысяч солдат на поле сражения для достижения указанных Наполеоном целей. Но, как государственная мудрость не изучается бюрократом, десятки лет работающим в присутственные часы в своем отделе, так и искусство стратегии не постигается ни участием во многих походах, ни наблюдением многих батальных картин. Когда наполеоновским маршалам приходилось выступать в роли самостоятельных руководителей операциями, они, за немногими исключениями, представляли как бы людей, бродящих в потемках, неясно понимающих свою задачу и возможные методы ее решения и потому действующих нерешительно. Более образованные генералы коалиции, боровшейся с Наполеоном, значительно уступавшие маршалам в тактике, оказывались сильнее их в стратегии. Один из талантливейших революционных генералов, Клебер, за которым Наполеон признавал наибольшие природные дарования, предсказывал крушение многих революционных карьер: «Не так трудно заслужить военную репутацию, как ее сохранить, и теория, которая всегда хочет идти в ногу с опытом, рано или поздно, отомстит за себя, если ее слишком игнорировать».

За последнее столетие ведение войны значительно осложнилось, и недостаточная теоретическая подготовка ныне будет сказываться еще чувствительнее. Очень симптоматичен пример наиболее выдающегося стратега посленаполеоновской эпохи – Мольтке. Он получил скудное первоначальное образование в датском кадетском корпусе, едва ли превышавшее объем знаний, даваемых ныне школой первой ступени. После отбытия ценза командования ротой он больше не соприкасался со строем. Его любознательность направлялась, казалось, совершенно в сторону от непосредственно связанных с войной вопросов. Когда Мольтке был выдвинут на пост начальника Генерального штаба, это был прусский генерал, чрезвычайно отставший от военной жизни, но зато представлявший настоящего ученого, очень компетентного в географии, в древнейшей истории Рима, в филологии, в политике, стоявший в курсе культурной и

экономической эволюции Европы. И этот почти штатский человек, по прихоти случая поставленный во главе прусского Генерального штаба, сумел разгадать дух новой стратегии. Не он, конечно, создал переворот в военном искусстве; творчество стратега ограничивается опознанием требований эволюции военного искусства, развивающегося помимо воли отдельных личностей, и пониманием средств, необходимых в данный момент. Но уже подход Мольтке с новой меркой к стоявшим на очереди стратегическим задачам явился крупным шагом на пути подготовки побед 1866 и 1870 гг. Изучая карьеру Мольтке-старшего, получаешь представление, что его позиция наблюдателя армии со стороны, давшая ему возможность углубиться во многие вопросы и умственно расти, чего часто лишены перегруженные работой практические деятели, и обусловила превосходство его мышления после достижения им шестидесятилетнего возраста. Правда, Мольтке был исключительный человек. Драгомиров характеризовал его в 1866 г. так: «Генерал Мольтке принадлежит к числу тех сильных и редких людей, которым глубокое теоретическое изучение военного дела почти заменило практику». Мы ссылаемся на мнение М.И. Драгомирова, так как последний отнюдь не является особым поклонником теории в ущерб практике. Еще яснее точка зрения Драгомирова на теорию выявляется в его характеристике Бенедек, выдающегося практика. «Личная его энергия не подлежит сомнению; он незаменимый человек для того, чтобы устремить войска в бой для достижения указанной цели; но он едва ли способен сам себе ее поставить. Одним словом, будучи замечательным тактиком, Бенедек нисколько не стратег. Неохотно отправляется он в Богемию, ибо не знал, как он говорил, ни театра войны, ни неприятеля, с которым предстояло драться. Эти причины наводят на мысль, что едва ли Бенедек имеет теоретическую подготовку к военному делу: сила его заключается в практической рутине, приобретенной на итальянском театре войны. Там он, вероятно, показал бы себя блистательно и в эту кампанию. Недостаток теоретической подготовки едва ли не лучше всего объясняет нерешительность и слабость Бенедек в стратегических комбинациях, ибо в практическом знании дела и в личной решительности у него недостатка не было».

Стратегия – искусство военных вождей. Стратегия – искусство полководцев, по преимуществу искусство тех лиц, которые призваны решать основные проблемы, выдвигаемые обстановкой войны, и передают свои стратегические решения для исполнения оперативному искусству. Стратегия – это искусство всего высшего командного состава армии, так как не только командующий фронтом и командующий армией, но и командир корпуса не сумеет справиться со своими оперативными задачами, если у него не будет ясного стратегического мышления. Во всех случаях, когда оперативному искусству предстоит сделать выбор между двумя оперативными альтернативами, оператор не найдет оправдания того или иного оперативного метода, оставаясь в пределах оперативного искусства, а должен подняться в стратегический этаж мышления.

Тогда как тактика живет решениями, требуемыми моментом, и вся тактическая работа отличается крайней злободневностью, стратегия начинается там, где виднеется ряд последовательных целей – этапов к достижению конечной цели войны. Стратегия должна широко заглядывать вперед и учитывать будущее в очень широкой перспективе. Стратег шагает операциями; эти шаги стратегии растягиваются во времени на несколько недель и даже месяцев. Стратег должен глубоко учесть обстановку и возможные ее изменения, чтобы не менять основ своей директивы, когда операция достигнет лишь начала своего развития. Стратег должен быть дальноразумным, чтобы оперативное и тактическое искусство могли работать планомерно. Немцы до мировой войны считали, что благодаря Клаузевицу, остающемуся для других армий непонятным, они обладают монополией стратегической дальноразумности. Дальноразумность возможна лишь при условии широкого идейного кругозора; можно легко указать целый ряд тактиков, бывших умственно ограниченными людьми, но выдающихся стратегов в числе последних мы не найдем. Каждый вождь, указующий путь, является хотя бы отчасти пророком.

Неизмеримо значение правильно указанной и реально очерченной цели для деятельности человеческих масс. Стихия разрозненных действий, общий разброд в результате неплановости, перекрещивание намерений, взаимно уничтожающиеся усилия – все это исчезает, когда устанавливается общий уклон к намеченной вождем цели. Действия упорядочиваются, сливаются в небольшие ручьи, текущие по уклону к цели и создающие в результате одно обширное течение; усилия всех и каждого во всех вопросах как бы самостоятельно и естественно устремляются в указанном направлении. Указание верной цели обуславливает бурный поток мыслей и воли.

Ответственные политические деятели должны быть знакомы со стратегией. Изучение стратегии требуется не только для высшего командного состава армии. Стратег, дающий директивы инстанциям, непосредственно руководящим операциями, должен отдавать себе ясный отчет в тех пределах, которые являются достижимыми для оперативного искусства с наличными средствами, и обладать острым оперативным и тактическим глазомером, чтобы ставить действия своих войск в возможно выгодные условия. Точно так же и политик, выдвигающий политическую цель для военных действий, должен отдавать себе отчет в том, что достижимо для стратегии при имеющихся у нее средствах, и как политика может повлиять на изменение обстановки в лучшую или худшую сторону. Стратегия является одним из важнейших орудий политики; политика и в мирное время в значительной степени должна основывать свои расчеты на военных возможностях дружественных и враждебных государств. Бисмарк не мог бы так авторитетно руководить политикой Пруссии, если бы не отдавал себе глубокого отчета в положении на театре войны.

Обязательность знакомства со стратегией для всего комсостава. Для достижения дружной работы огромных масс на тянущихся на сотни верст фронтах необходима серьезная стратегическая подготовка частных начальников. Эта истина была несколько забыта во время позиционного периода мировой войны, благоприятствовавшего развитию крайней централизации управления. Командирам корпусов в обстановке маневренной войны сплошь и рядом приходится принимать ответственные решения, дающие операции тот или иной стратегический уклон.

16 августа 1870 г. III прусский корпус генерала Альвенслебена вышел на большую дорогу Мец-Верден; армейское командование, направляя III корпус, полагало, что он выйдет на дорогу уже после отхода к Вердену из Меца армии Базена и будет следовать за ее хвостом. В действительности же генерал Альвенслебен оказался не за хвостом французской армии, а перед ее головой, и загородил ей дорогу. Альвенслебен, несмотря на возможность получения в течение дня поддержки только со стороны одного (X) корпуса, решил вступить в бой (сражение при Марс-ла-Туре) со всей французской армией, насчитывавшей 5 сильных корпусов. Это ответственное решение, имевшее результатом пленение впоследствии армии Базена в Меце, могло быть принято лишь на основании стратегической оценки обстановки.

Приведем еще более убедительный пример. В промежутке между пограничным сражением и операцией на Марне из состава сводной кавалерийской дивизии армии Манури был выдвинут сильный разъезд капитана Лепика, постепенно отходивший перед наступающими правофланговыми колоннами германской армии Клука. В 11 ч. 30 м. 31 августа 1914 г. капитан Лепик, находясь к северо-западу от Компьена, с удивлением заметил, что огромные колонны немцев, вместо того, чтобы продолжать движение в южном направлении, на Эстре-Сен-Дени, свернули на Компьен. Это удивление, по-видимому, не отразилось ни на характере донесения капитана Лепика, ни на участии его: донесение пошло нормальным образом, со включением его в разведывательные сводки. Между тем, если простейшим образом стратегически осмыслить явление, наблюденное капитаном Лепиком, то становится совершенно ясным, что немцы отказываются включить Париж в район своего охвата и устремляются всеми силами в промежуток Верден – Париж, подставляя свой правый фланг под удары из Парижа. Высшее французское

командование усвоило эту истину только через 80 часов, к вечеру 2 сентября; а между тем она имела колоссальное значение, давая все предпосылки для комбинирования победы на Марне. Если бы капитан Лепик и все инстанции, по которым направилось блуждать его донесение, были стратегически лучше подготовлены, то, возможно, планомерную подготовку к операции на Марне французское командование смогло бы начать на двое суток раньше, вечером 1 сентября; потеря 40 часов дорогого времени не всегда пройдет даром. Сколько ценнейших донесений летчиков и разъездов не было использовано нами в мировую войну вследствие известной стратегической тупости начальников и штабов! Вспомним хотя бы богатые разведывательные данные, которые мы имели во время Самсоновской операции – хотя бы о сосредоточении 1-го германского корпуса, и которые не были учтены ни армейским, ни фронтовым командованием.

В Гражданскую войну, иногда при недостаточных средствах связи, часто при недостаточной авторитетности управления, решения частных начальников могли играть в области стратегии крупную роль. В неудаче варшавской операции 1920 г. стратегическая немочь имела большое значение. Стратегические ошибки заметны в работе всех инстанций. Достаточно сравнить действия 16-й красной армии 15–18 августа 1920 г. с действиями германской армии Клука 5–7 сентября 1914 г., чтобы установить несомненно меньшую стратегическую восприимчивость красного командования по сравнению с немецким. Действия Клука отнюдь не безгрешны; но мы видим две армии, над которыми навис фланговый удар, и массивная, огромная армия Клука даже с излишней щекотливостью делает огромный скачок назад, поворачивается и всеми своими силами отбивает удар французов; а наша 16-я армия пассивно следит, как одна за другой ее дивизии, взятые во фланг, уничтожаются противником, действия которого еще 13 августа 1920 г. можно было совершенно ясно предвидеть.

Мы будем еще иметь случай подчеркнуть, что Красная армия более всякой другой нуждается в уделении серьезного внимания вопросам стратегии. Между тем в иностранных армиях признается необходимым широкое распространение в армии здоровых стратегических идей. Эрцгерцог Карл уже в 1805 г. счел необходимым издать стратегическое наставление для австрийского генералитета; Мольтке последовал его примеру в 1869 г.; перед мировой войной германская и французская армии располагали наставлениями для высшего комсостава; в Англии в 1920 г. была издана часть 2-я полевого устава, имеющая аналогичное значение; соответственная работа ведется и в Красной армии. Правда, эти уставы по преимуществу имеют оперативный, а не стратегический характер, и стратегия, по самой природе своей, сопротивляется кодификации ее положений в уставном порядке. Но необходимость усилий по поднятию уровня стратегического мышления комсостава всюду является признанной.

Изучение стратегии лишь небольшим кругом комсостава, например, Генеральным штабом, ведет к созданию «стратегической касты»; изолированное положение стратегии толкает ее на путь ученого педантизма, отрывает от практики, создает в комсоставе крайне нежелательный разрыв по стыку стратегов и тактиков, уничтожает взаимное понимание между штабами и строевыми частями. Стратегия не должна являться латынью, делящей армию на посвященных и непосвященных!

Приступ к изучению стратегии должен относиться к началу серьезных занятий военным искусством. Необходимость изучения стратегии всем командным составом армии вытекает из того, что нельзя откладывать изучение стратегии до момента выдвижения на ответственный полководческий пост. Стратегия относится к числу тех дисциплин, преуспевание в которых находится в очень слабой степени от запоминания наставлений, делаемых с кафедры, от усвоения логических построений, заключающихся в стратегических учебниках. Иллюзорным является единство доктрины, базирующееся на единстве стратегических инструкций. В стратегии центр тяжести заключается в выработке самостоятельной точки зрения, что, прежде всего, требует серьезной самостоятельности. Нужно освоиться уже в начале военной службы со стратегическими вопросами и под их углом зрения изучать военно-историческое прошлое, оцени-

вать пережитые лично военные события и рассматривать современную эволюцию военного дела. Изучение стратегии должно являться задачей каждого, рассчитывающего принять ответственное участие в войне. Армия, стремящаяся преодолеть свойственную ей тяжеловесность маневрирования, не должна делать занятия стратегией уделом немногих военных мыслителей. Стратегической мысли должно быть отведено широкое место на полевых поездках, в военной литературе, на докладах военно-научных обществ. Военной истории необходимо сделать значительное усилие, чтобы перейти от так называемых «стратегических очерков», представляющих изложение в самых крупных чертах внешнего хода событий, к действительно углубленной критике важнейших решений, принятых на войне.

Задача курса стратегии. Задача курса стратегии не в том, чтобы исчерпать сколько-нибудь полно почти беспредельную область этой дисциплины, а в том, чтобы начерно подготовить почву для дальнейшей самостоятельной работы мысли, указать направления, в которых она должна развиваться, создать условия для упорядочения отдельных усилий. Особенно важным преподавание стратегии в высших военно-учебных заведениях является в нашу переходную эпоху, когда не только Европа, но и весь земной шар начинает обрисовываться, как совершенно новый стратегический ландшафт, когда военное искусство во многих отношениях переходит к новым методам и приемам ведения войны и в обстановке назревающих социальных потрясений приобретает новые формы.

Настоящий труд ставит себе скромную задачу – явиться только напутствием к самостоятельной стратегической работе, помочь читателю занять и исходное положение и дать ему несколько широких перспектив, чтобы содействовать скорейшему выходу стратегического мышления из закоулков и тупиков на прямую дорогу. В этой работе мы стремимся наметить основные вехи стратегической современности; мы предполагаем знакомство читателя с предшествующей эволюцией военного дела.

Военная история. История военного искусства является совершенно необходимым введением к настоящему труду; без такого введения мы рискуем остаться совершенно непонятыми. Не остановив предварительно своего внимания на важнейших военных явлениях истории, не омеблировав своего мышления рядом военно-исторических фактов, мы подвергаемся опасности заблудиться в абстрактных положениях теории стратегического искусства; польза, которую мы из нее извлечем, будет пропорциональна тому опыту и военно-историческому багажу, которым мы располагаем, приступая к занятиям по стратегии.

Критика и опыт должны идти рука об руку. Изучение стратегии мало производительно без военно-исторических знаний, но сознательная работа мысли над военной историей становится, в свою очередь, возможной лишь на основе определенного стратегического кругозора. Ведь в военной истории одно запоминание фактов может, в лучшем случае, дать нам представление лишь об известных шаблонах, когда-то существовавших при ведении военных действий. И в военной истории ценность представляет главным образом самостоятельная работа. Как ни трудно сделать серьезную самостоятельную стратегическую оценку какого-либо важного момента в военной истории, охватывающую реальную действительность в целом, эта работа по отношению к историческому прошлому все же легче, чем на войне, в обстановке сегодняшнего дня. Все содержание стратегии представляет, по существу, размышление над военной историей. И стратегия, по завету Клаузевица, должна избегать перехода от формы размышления, к жесткому руслу точно отчеканенного учения из правил, выводов и заключений. Русский военный историк обычно стремится вслед за фактическим изложением событий развернуть свои выводы и заключения, часто весьма ограниченного размаха и углубления. Историк школы Клаузевица, изложив факт, переходит к размышлению над ним (*Betrachtung*). Различие между терминами – вывод, с одной стороны, и размышление – с другой, отражает и различное понимание отношений теории к реальному бытию.

Вопросы военной истории особенно близки для лица, занимающегося стратегией, так как по своему методу стратегия представляет лишь систематизированное размышление над военной историей. Отрыв от исторической почвы так же опасен для стратега, как и для политика: ввиду многочисленности действующих факторов и сложности связывающих их отношений теоретический, умозрительный подход, не улавливающий всех данных, необходимых для правильного решения, часто может привести к грубейшим ошибкам. В стратегии, как и в политике, курица часто высиживает утят – последствия оказываются вовсе не похожими на породившие их причины. Например, все стратегические писатели до мировой войны считали, что железные дороги – фактор, ускоряющий развитие военных действий, придающий им с самого начала решительный характер, обуславливающий применение исключительно стратегии сокрушения. При этом всеми упускалось из виду уравнивающее влияние железных дорог, которые помогают обороне, задерживают оторвавшегося от них наступающего, позволяют заштопывать прорывы на фронте, облегчают возможность использования на фронте всех сил государства.

В результате ускоренный способ передвижения по железным дорогам в мировую войну выисдел утенка – неподвижный позиционный фронт и стратегию измора.

К сожалению, современное состояние военной истории не удовлетворяет самых скромных пожеланий стратегии. Непропорционально сильное развитие первой части настоящего труда – об отношениях политики и стратегии – обусловлено той научной прострацией, в которой находится у нас военная история. Мы вовсе не имеем истории войн; в лучшем случае так называемая военная история представляет только оперативную историю. С тех пор, как произошло разделение военной истории на историю военного искусства и историю войн, широкие точки зрения стали достоянием первой, а вторая начала мельчать, игнорируя роль политики и стремясь изучить лишь ход операций. Причинная связь военных событий ищется лишь под углом зрения чисто военных соображений, что, безусловно, ошибочно. Поучительность теряется, нарождается много иллюзий; стратегия вопиет об искажении логики событий военными историками; она не только не может опереться на их труды, но вынуждена затрачивать лишние усилия на то, чтобы рассеять посеянные ими предрассудки. Читатели, интересующиеся стратегией, найдут более вызывающих на размышление замечаний не в военных трудах, в особенности не в «стратегических очерках», а в политической истории прошлых войн.

Маневры. Но изучение стратегии, параллельно с размышлением над прошлым, должно заключать и размышления над настоящим. Всякий опыт в области человеческих отношений относится к минувшему, а стратегия должна всемерно тянуться к разгадке будущего. Многие предпосылки, определявшие в минувших войнах стратегический ход событий, ныне исчезли; на место их народились новые предпосылки. Только в редких случаях мы можем, пока не вспыхнет война, произвести эксперимент, чтобы установить их действительность. Так, французский генерал Леваль опытным путем доказал возможность стратегического сосредоточения на немецкой границе с плотностью до 15–20 тысяч бойцов на километр фронта, что требует движения всей пехоты, кавалерии и полевой артиллерии без дорог, по колонным путям, с целью оставить существующие сквозные дороги для работы снабжения и подвоза тяжелой артиллерии. Для оперативного искусства роль эксперимента, в весьма несовершенной форме, могут играть большие маневры. На них возможно изучить переброску крупных частей в условиях современной техники, организацию связи и технику управления на широких фронтах; но уже вопросы снабжения и воздушной разведки, вследствие невозможности в мирное время создать в полном объеме тот тыл, который будет работать на войне, нельзя проконтролировать маневренным испытанием. Даже важнейшие оперативные вопросы, связанные с боевыми действиями, – ширина фронтов, продолжительность боевых столкновений, нормы расхода огнеприпасов, количественное превосходство на участках атаки, – не могут быть сколько-нибудь учтены в результате самых обширных и дорого стоящих экспериментов мирного времени.

Еще меньше можно думать о стратегическом маневренном опыте. Большие маневры, которым когда-то отводилось крупное значение в подготовке вооруженных сил, все более приобретают характер гигантского тактического парада, демонстрации слаженности и боеспособности армии.

Военная игра. Если воспроизведение военных действий на маневрах слишком далеко уклоняется от военной действительности, то мы можем попытаться перенести наши упражнения с местности на карту. При изучении тактики метод решения тактических задач на карте является основным. Точно так же он может дать многое при изучении оперативного искусства. Однако главная ценность этого метода не в исследовании новых вопросов, а в натаскивании, в передаче наставником ученику практических сноровок; задачи на плане позволяют изучить преимущественно техническую сторону искусства, оставляя принципиальные вопросы на втором плане. Поэтому в стратегии решение задач на карте имеет весьма относительную ценность; техника стратегического распоряжения очень несложна.

Чтобы несколько выдвинуть принципиальные вопросы, прибегают к методу военной игры, т. е. ведения двухсторонних упражнений на карте. Техника в этом случае отходит на второй план, и на все упражнение приходится смотреть лишь как на подбор известного материала, в интересных географических условиях, при современных данных организации и техники, для заключительной дискуссии. Ценность такой дискуссии обуславливается исключительно компетентностью руководства; военная игра представляет могущественное средство пропаганды определенных стратегических и оперативных воззрений, но вызывает сомнения, как метод исследования вопроса. Руководство военной игры только тогда выполняет свою роль, когда самым заданием и даваемыми ходами оно подтасовывает материал для заключительной дискуссии. Не подтасованные военные игры, с беспристрастными арбитрами, вообще ничего дать не могут.

Занятия в поле и полевые поездки представляют, в сущности, то же, что и задачи на плане и военная игра, только перенесенные в более поучительные условия работы. Если полевая поездка организуется с достаточными средствами связи, то она может дать хорошую практику в штабной службе, познакомить участников с важными районами театра военных действий, но для стратегии и здесь является лишь возможность организовать дискуссию, представляющую тем более важное значение, чем ближе сходство задания для поездки с действительными предположениями нашего оперативного развертывания.

Таким образом, прикладной метод в стратегии может иметь значение преимущественно лишь для популяризации в командном составе определенных стратегических идей и для выяснения существующих взглядов на острые стратегические вопросы.

Изучение классиков. При достаточной общей военной подготовке, средством для углубления своих взглядов на современную стратегическую действительность является размышление над классическими трудами по стратегии. Как ни сильно было мышление их выдающихся авторов и как ни коротка история стратегической теории, насчитывающая только полтора столетия, но эволюция в стратегии идет таким темпом, что все эти труды уже отошли в область истории и отмечают этапы, уже пройденные человеческой мыслью. Даже Клаузевиц, для которого длительность боевого столкновения представляла только стратегическое мгновение, а протяжение его фронта – стратегическую точку, несомненно, во многих отношениях устарел. Он еще не знал оперативного искусства, так как операция для него еще не представляла измерений ни в пространстве, ни во времени. Поэтому изучение классиков представляет для нас особенную ценность, если мы будем обращать наше внимание не только на положения, сохраняющие еще свое значение в полном объеме, но и на положения, которые ныне нас не вполне удовлетворяют, которые или вовсе ныне отпали или должны быть существенно изменены. Если мы будем примеривать известный нам опыт Гражданской и империалистической

войн к положениям значительнейших стратегических авторов, писавших ранее этих войн, то сможем ярко ощутить то новое, что характеризует современную стратегию.

Мы рекомендуем подходить к авторитетам прошлого не только без выраженной почти-тельности, без стремления насытиться возможно большим количеством цитат и афоризмов, а определенно критически. Мы сумеем почерпнуть многое у великих мыслителей стратегии, лишь отбросив ложную скромность и усвоив кажущееся бесстыдство исследователя истины. Нужно не простое чтение, а серьезное критическое изучение классика, которое, может быть, более удобно вести путем семинариев или дискуссий в кругах, чем путем индивидуальной работы.

Стратегические решения по природе своей радикальны; стратегические оценки должны охватывать вопросы в корне; нигде так не требуется независимость, цельность, свобода мышления, как в стратегии, и крохоборческая мысль нигде не может дать более жалких результатов, чем в стратегии. И жестокой насмешкой над стратегической мудростью нам представляется пиетет начетчиков, видящих в наследстве Наполеона стратегические заповеди – идеал стратегических чиновников.

Стратегия и политика

1. Политика и экономика

Наступление и оборона в историческом масштабе. – Политическое искусство. – Насилие. – Война – часть политической борьбы. – Борьба за экономическую боеспособность. – Внешняя торговля. – Развитие промышленности. – Экономические позиции да рубежом. – Географическое распределение промышленности.

Наступление и оборона в историческом масштабе. Неподвижность, состояние равновесия в системе человеческих группировок представляет иллюзию, разделяемую лишь некоторыми пацифистами и отсталыми государствоведами. Различный темп и направление развития экономической жизни дают перевес одним государствам и нациям над другими. Этот перевес находит себе самое различное выражение – в виде расширения экономической деятельности, накопления материальных запасов, большего прироста населения, лучшего технического оборудования территории, возможности содержать большую и лучше снабженную вооруженную силу, организации более сильной центральной власти и усилении единства государства, расширении зависимости, в которой от него находятся другие государства, в увеличении числа идейных сторонников, своего рода граждан двойного подданства, за рубежом. Этот перевес получает выражение в процессе исторического наступления тех группировок, кои постепенно завоевывают будущее, и в исторической обороне других, которые вынуждены защищать занимаемое ими положение при становящемся все более невыгодным соотношении сил. Так, мы можем отметить историческое наступление в XIII–XVIII веках германских племен на запад от р. Эльбы; наступление русского племени в XVI–XIX веках на восток от Волги; наступление англосаксонской расы, не закончившееся и по сейчас, по всем линиям слабого сопротивления на земном шаре. В XVIII веке мы видели ускорение темпа наступления буржуазии, приведшее к Великой французской революции. В начале XIX века развивается историческое наступление национальностей, принимающее характер борьбы за объединение в независимые национальные государства – Германию, Италию; аналогичный процесс среди славянских народов заставил турок постепенно отказаться от всех завоеваний на материке Европы и поставил Австрию в положение исторической обороны, из которого она не вышла до своего развала в 1918 г.

На фоне этого политико-экономического процесса у различных группировок возникают свои классовые, национальные и местные, колокольные интересы; является необходимость борьбы в целях защиты последних. Господствующий в государстве класс склонен рассматривать свои интересы, как государственные, и прибегает к помощи государственного аппарата для отстаивания их.

Политическое искусство. Всякая борьба за свои интересы только тогда может вестись достаточно сознательно и планомерно, если будут уяснены ее цели. Эти цели, приведенные в систему, образуют программу – определенный идеал данной группировки. Такие программы иногда восстанавливаются только историком; иногда они существуют в письменном виде, но по своей одиозности не оглашаются. Часто их оглашают в умышленно искаженном виде, чтобы иметь возможность втянуть в данную группировку возможно большие массы.

Организации отдельных группировок, в целях борьбы за определенную программу, называются политическими партиями, так как политика – это искусство ориентировать борьбу в целях проведения программы определенной группировки. Поскольку в основе каждой программы лежат экономические интересы, и экономика является основой развивающегося исто-

рического наступления, мы можем видеть в политике «концентрированное выражение экономики». Только те движения, в основе которых лежат реальные интересы, могут получить крупное значение. Даже такой националистический писатель, как генерал фон дер Гольц, признает, что чистый патриотизм представляет сырой порох, и массы им не взрываются.

Но политика является и «искусством маневрировать миллионными массами»; действительно, в обстановке противодействия других группировок только в исключительно благоприятных случаях политика получает возможность избрать прямой путь к цели; очень часто политике приходится выжидать, отступать, избирать окольные пути и вести за собой при этом массы. Искусство политика, действующего на основе выработанной уже программы, заключается в том, чтобы указывать ближайшие цели для конкретной работы. Политика, которая игнорировала бы эти ближайшие цели и все внимание уделяла бы конечному идеалу, представляла бы печальное перерождение практического искусства в социологию или философию истории. Воображаемая логическая линия, соединяющая последовательные этапы, которых мы стремимся достигнуть, и ориентирующаяся на идеал программы, называется политической линией поведения.

Господствующему в государстве классу приходится не только бороться внутри государства за проведение определенной программы, т. е. вести определяемую его интересами внутреннюю политику, но и отстаивать свои интересы в сношениях с другими государствами, т. е. вести внешнюю политику. Последняя, очевидно, определяется, прежде всего, внутренними интересами данного класса и является логическим продолжением внутренней политики. Но она зависит и от направления политики других государств. Господство правящего класса только тогда является прочным, когда он не слишком узко толкует свои интересы; гегемон, ведущий внешнюю политику, не может, не вызвав гибельного кризиса, жертвовать интересами общего исторического целого.

Политика – внешняя и внутренняя – является руководящим мотивом решений истории.

Насилие. Политическая борьба, проникающая все существование человечества, ведется обычно в рамках условий, созданных господствующими классами, т. е. в рамках законности. Бывают, однако, моменты, когда создается обстановка, при которой эта борьба обращается в насилие.

Если дело идет о внешней политике, то нарушаются нормы международного права; обиженная сторона, располагающая достаточной силой, не всегда ограничивается простым протестом, и политическая борьба принимает форму войны. Если дело идет о внутренней политике, то обращение к насилию со стороны одного из негосподствующих классов или негосподствующих национальностей выливается в Гражданскую войну. О насилии господствующего класса мы не говорим, так как оно имеет место каждый миг существования государства и составляет сущность его бытия.

Пацифистский уклон философского мышления XVIII века, в связи с непониманием исторического процесса, приводил к тому, что войны рассматривались в плоскости права, как несправедливое нападение сильного на слабого; идеал XVIII века заключался в сохранении существующего политического равновесия.

Однако в современной действительности сам мир, прежде всего, является результатом насилия и поддерживается насилием. Каждая граница государства является результатом войны; и очертание на карте всех государств знакомит нас со стратегическо-политическим мышлением победителей, а политическая география и мирные договоры являются и стратегическим уроком. В каждом углу центральной Европы мы встречаем «ирреденту», т. е. захваты территории, не возвращенные по принадлежности, противоречащие стремлению народов к самоопределению.

В XX веке даже лицемерная Лига Наций не могла уже стоять на точке зрения поддержания существующего равновесия и должна была признать необходимость эволюции: параграф

19 ее устава предоставляет пленуму приглашать членов совета Лиги к пересмотру договоров, ставших невыполнимыми, и к пересмотру международных отношений, сохранение коих является угрозой миру. Было бы ошибочным приписывать происхождение войн недостаткам различных правительств – монархических или республиканских. Причины войн лежат в экономическом неравенстве, в противоречии между интересами отдельных группировок, во всех условиях исторического процесса, и, прежде всего, в частной собственности на орудия производства. И гражданские и внешние войны являются пока неизбежными издержками истории.

Война – часть политической борьбы. Таким образом, внешние и гражданские войны не представляют чего-либо самодовлеющего, а образуют только часть непрерывного политического взаимодействия человеческих группировок. В течение самой войны политическая жизнь ведущих ее государств не прекращается, а продолжается.

Война является только частью политической борьбы. Политическое искусство заключается в том, чтобы отстаивать интересы определенной группировки среди всех других. Оно работает в атмосфере скрещения многих сил; хотя экономика и определяет в основном их вражду, содействие или нейтральность, однако в различные моменты не только меняется напряжение встречаемого противодействия или помощи, но даже союзник может стать врагом, и наоборот. Военное искусство принципиально признает лишь две стороны на баррикаде, возводимой войной: наша и неприятельская. Но в течение военных действий приходится весьма серьезно учитывать интересы третьих политических группировок, не занявших еще определенных позиций на нашей или неприятельской стороне, и заботиться о сохранении единства в нашем лагере и о разложении неприятельского; это чисто политические задачи, и решаться они должны политикой; так как руководство военными действиями представляет лишь одну, хотя и существенную часть этого политического решения, то оно должно подчиняться требованиям политики.

Война ведется не только на вооруженном фронте, но и на классовом и экономическом фронтах. Действия на всех них должны быть согласованы политикой. При этом, конечно, надо считаться со свойствами тех средств, которые приходится применять на каждом из этих фронтов, и не переносить, не считаясь с этими свойствами, методов действия с одного фронта на другой. Так, например, на вооруженном фронте важное значение имеет сосредоточение усилий. Отсюда иногда выливаются такие решения на фронте политической работы: из 10 000 имеющихся агитационных листовок – распространить 9000 в пункте, намеченном нами для удара, и 1000 листовок – на остальном фронте. Но ведь свойства листовок, которые мы сосредоточиваем, совершенно другие, чем свойства потока снарядов и пуль. Листовки не производят никакого впечатления на классового врага и очень слабое – на неприятельских солдат, не подготовленных к восприятию их обострением классовой борьбы. Всходы совершенно не пропорциональны количеству посеянных семян. В хороших хозяйствах сеют меньше, чем в плохих крестьянских.

Очевидно, политическая агитация не может маневрировать произвольно, а связывается с участками, где для нее имеется подготовленная почва. Политик, который двинулся бы по стопам тактика, а не стремился бы уяснить свою линию наименьшего сопротивления, совершил бы ошибку. Точно так же было бы недоразумением требовать от стратегии действий, идущих вразрез со свойствами тех средств, коими она располагает.

Стратегии не приходится жаловаться на вмешательство политики в руководство военными действиями, политики, известной проекцией которой является она сама; разумеется, ошибочная политика приносит и в военном деле столь же печальные плоды, как и в любой другой области; однако нельзя смешивать протест против ошибок политики с отказом признать за политикой права и обязанности определить руководство войной в его основных чертах.

Утверждение о господстве политики над стратегией, по нашему мнению, имеет всемирно-исторический характер. Оно не подлежит никакому сомнению, когда творцом политики

является юный класс, который идет к широкому будущему и историческое здоровье которого отражается и в форме преследуемой им здоровой политики. Но оно всегда вызывает сомнения в тех государствах, которые представляют организованное господство уже отживающего класса, который находится в положении исторической обороны, режим которого подгнил и который вынужден вести нездоровую политику, жертвовать интересами целого для сохранения своего господства. И в этом случае нездоровая политика неизбежно продолжается нездоровой стратегией. Довольно понятными поэтому являются протесты буржуазных военных писателей, особенно французских, находившихся под впечатлением губительного влияния гнилой политики второй империи на стратегию. Стратегия, естественно, стремится эмансипироваться от плохой политики; но без политики, в безвоздушном пространстве, стратегия существовать не может; она обречена расплачиваться за все грехи политики. Спасти французскую стратегию в 1870 г. от губительного продолжения политической линии правительства второй империи могла только сентябрьская революция, опрокинувшая режим второй империи.

Борьба за экономическую боеспособность. Из изложенного следует, что вся международная жизнь в мирное время представляет сплошное столкновение интересов отдельных государств, ведущих непрерывную экономическую борьбу. Нас интересует та сторона этой борьбы, которая имеет в виду военные интересы. Для стратегии далеко не безразлично то или иное решение экономических задач. Современная политическая мораль гласит: хочешь мира, готовься к войне. Каждое государство, чтобы не быть застигнутым врасплох, уже в мирное время стремится установить у себя известное согласование между своим хозяйственным развитием и экономическими предпосылками успешного ведения войны. Подобное стремление ведет к тому, что экономика, развиваясь, планомерно приспосабливается к задачам, которые выпадут на нее с началом войны. Уже одно ожидание войны, подготовка к ней, деформирует экономику, изменяет соотношение между отдельными частями народного хозяйства, заставляет применять иные методы. Это стремление экономики уже в мирное время приблизиться к боевым формам является общим и неизбежным законом; однако слишком энергичное насильственное изменение естественных форм экономического развития сказывается весьма отрицательно, тормозя общие экономические успехи страны. Стратегический подход к явлениям экономики должен установить точку зрения на экономические основы военной мощи государства, дать такую их оценку, которая позволила бы судить о реальных силах и о характере будущей войны. Эту задачу мы преследуем на всем протяжении нашего труда.

Внешняя торговля. Малые государства, вследствие сравнительного однообразия производимых ими товаров, находятся в очень большой зависимости от внешних рынков. Румыния в мировую войну страдала от избытков нефти и пшеницы и вынуждена была выписывать себе военное снаряжение из Франции далеким круглым путем через Архангельск. Размер территории малых государств не позволяет найти уголков, где военная промышленность их могла бы беспрепятственно работать во время войны. Это заставляет их в большинстве случаев отказаться от попытки подготовиться к самостоятельному ведению войны путем создания на своей территории особого экономического целого и держаться более естественных путей хозяйственного развития. Поэтому малые государства часто обгоняют в хозяйственной области большие континентальные государства, облачающиеся уже заблаговременно в тяжелые доспехи боевой экономики.

Большое континентальное государство находится в несравненно меньшей зависимости от внешнего рынка; его промышленность работает преимущественно на своем сырье и преимущественно для внутреннего рынка. Тенденция к обособлению в отдельный хозяйственный организм ведет, однако, весьма часто к повышению себестоимости продукции, так как многие отрасли производства приходится организовать при менее выгодных, по сравнению с другими пунктами земного шара, экономических предпосылках. Такое производство приходится

защищать покровительственными таможенными пошлинами и льготными железнодорожными тарифами.

Для всякого государства, не имеющего возможности, в случае войны, обеспечить за собой свободу морских сообщений, политика покровительственных пошлин является желательной с точки зрения военной экономики, так как она подготавливает государство к предстоящей ему более или менее тесной блокаде. Принцип свободы торговли могла сохранить до последнего времени лишь одна Англия; но это было результатом ее господства на морях и возможности обеспечить в течение войны беспрепятственный подвоз в свои порты. Подводная блокада уже вынудила Англию временно, на вторую половину мировой войны, перейти к самому энергичному покровительству сельскому хозяйству (обеспечение для сельских хозяев высоких хлебных цен, выпуска 5 тысяч тракторов «Фордзон» и т. д.). Если бы чрезвычайно выгодное положение Англии в отношении свободы морских сообщений было поколеблено успехами подводных лодок и воздушного флота, то и Англии, конечно, пришлось бы перестроить в корне свою экономическую систему.

Германия в 1902 г. стала на путь высоких хлебных пошлин. Германские аграрии утверждали, что высокие хлебные цены, удовлетворяя их классовым интересам, в то же время значительно повысили экономическую боеспособность страны. Приводимые ими статистические данные, быть может, не вполне беспристрастные, все же неопровержимо свидетельствуют о связи между хлебными ценами и урожайностью. За 12 лет (1895–1907), в связи с поднявшимися ценами, количество крупного рогатого скота в Германии увеличилось на три млн голов, свиней – на 5,3 млн, урожай ржи – с 6,6 млн тонн на 12,2, пшеницы – с 2,8 млн тонн на 4,65, ячменя – с 2,4 млн тонн на 2,67, овса – с 5,2 млн тонн на 9,7, картофеля – с 31,7 млн тонн на 54,1. Несмотря на быстрый рост населения городов, Германия в 1900 г. покрывала иностранным продовольствием 16 % общей потребности, а в 1906 г. – только 10 %. Голодная блокада в течение мировой войны в конце концов сломила Германию; но если бы таможенная политика не развила почти вдвое ее сельского хозяйства, то она была бы вынуждена капитулировать, не дождавшись урожая 1915 г.

Развитие промышленности. Мобилизация промышленности значительно облегчается предшествующей экономической подготовкой. Каждое государство, вступающее в борьбу с Англией, будет отрезано от мирового источника азотистых солей – чилийской или индийской селитры, без коих невозможна фабрикация пороха и каких-либо взрывчатых веществ. Этим обуславливается огромное значение производства азота из воздуха для всякого государства, ведущего самостоятельную политику.

Значение красочной промышленности точно так же вырастает, так как ее оборудование и полуфабрикаты весьма пригодны для изготовления химических отравляющих веществ. Естественно, что все государства мира стремятся теперь производить анилиновые краски у себя дома и более или менее следуют примеру Англии, установившей в 1920 г. (Deys Stuff act) ввоз в Англию красок лишь с особого каждый раз разрешения. Война поглощает огромное количество меди; следовательно, на производство меди на медноплавильных заводах нельзя смотреть лишь под углом зрения экономической выгоды или убыточности.

Мы не останавливаемся на совершенно ясном вопросе о значении вывоза в мирное время за границу изделий военной промышленности, что позволяет держать на чеку крупный промышленный аппарат.

Отметим здесь же основное противоречие германской политики: постройка большого линейного флота выражала стремление Германии вступить в соперничество с Англией за господство на морях, за свободу торговли; а покровительственные хлебные пошлины знаменовали континентальное направление политики, изготровку к борьбе с Россией. Эта недостаточная целеустремленность германской политики облегчила Англии задачу политического окружения Германии и в конечном счете привела к разгрому последней. В борьбу с Англией Герма-

ния могла вступить, только будучи на русском хлебе; в борьбе же на континенте наличность большого флота, пугавшего Англию, могла явиться только помехой. Александр Македонский, намечая в свое время завоевание Персии, не раздробил своих средств и на постройку флота и на организацию сухопутной армии.

Заблаговременная заготовка заграничного сырья (при невозможности располагать своим сырьем) представляет огромные затруднения, связанные с выделением крупных мертвых капиталов, которое затруднит самое богатое государство. Иногда можно выйти из затруднения путем предоставления льгот частной инициативе по завозу и хранению на складах данных продуктов. Так, в Германии, перед мировой войной, существовал проект создания в Кенигсберге и Данциге обширных элеваторов для беспошлинного и льготного завоза и хранения русского хлеба, в ожидании выгодных цен. Этот проект мог несколько облегчить продовольствие Германии в случае войны, но он не был осуществлен из-за сопротивления германских аграриев, опасавшихся постоянного давления больших видимых запасов на хлебные цены. Идея свободных портов может в будущем дать многое для повышения наличного товарного фонда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.